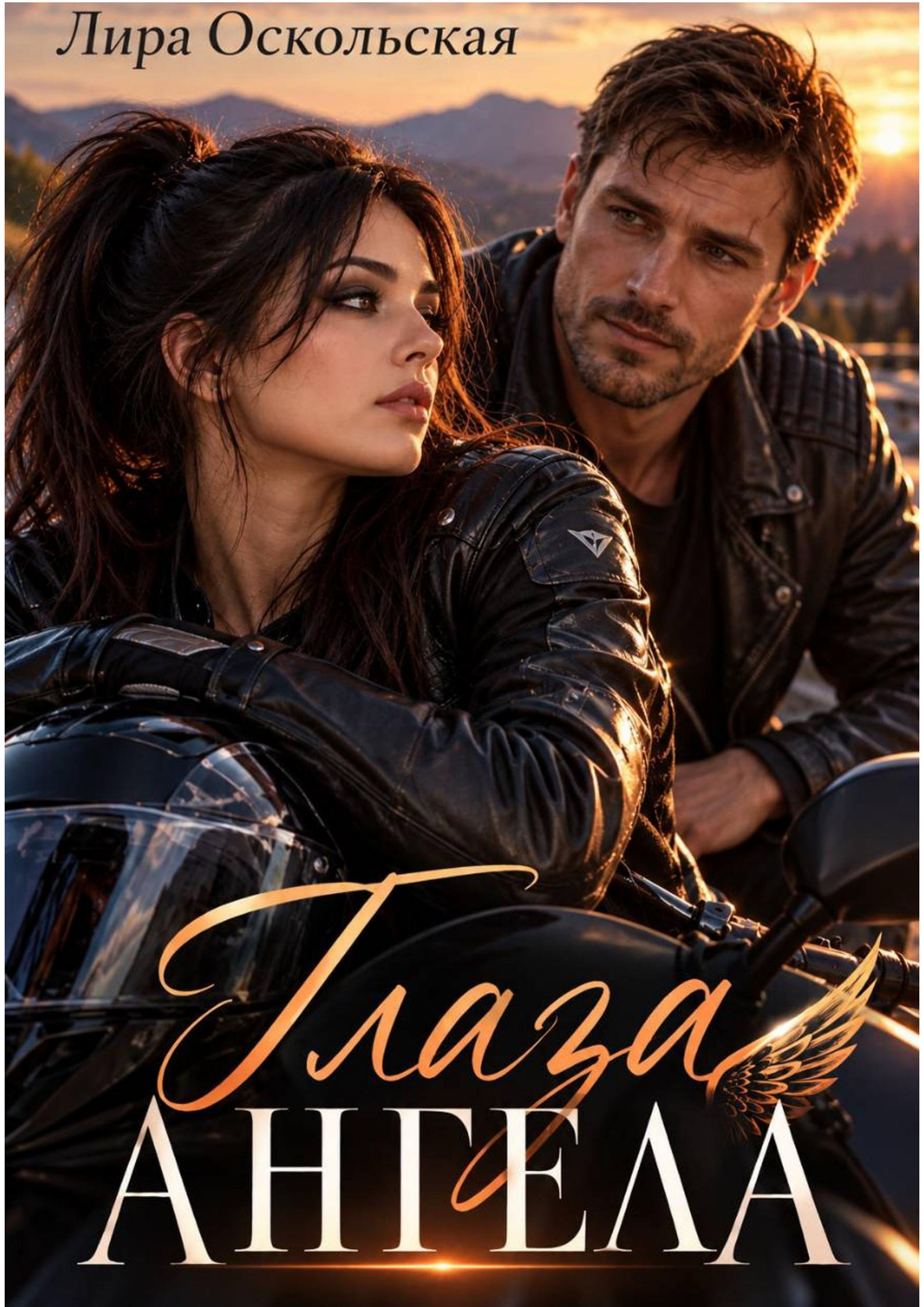

Ли́ра Оско́льская

Глаза
АНГЕЛА

Лира Оскольская

Глаза Ангела

«Автор»

2026

Оскольская Л.

Глаза Ангела / Л. Оскольская — «Автор», 2026

Артём привык доверять только скорости. На ночной трассе не имеет значения, кто ты в обычной жизни: сын влиятельного отца, успешный мужчина или человек, которому давно пора повзрослеть в глазах собственной семьи. Здесь всё решают реакция, характер и способность не дрогнуть в самый опасный момент. Но однажды заезд заканчивается аварией. Артём оказывается между жизнью и смертью и успевает запомнить только одно - глаза женщины, которая возвращает его с того света. После больницы он пытается найти ту, чей голос слышал сквозь темноту, но судьба словно нарочно оставляет между ними недосказанность. А потом на ночной трассе появляется она. Таинственная байкерша по прозвищу Ночная Фурия — дерзкая, бесстрашная и совершенно непредсказуемая. Она раздражает Артёма, бросает ему вызов и заставляет забыть обо всём, кроме скорости и странного притяжения, которому он не может найти объяснения. Две женщины. Две совершенно разные встречи. И одна тайна, которую Артём пока даже не пытается разгадать.

© Оскольская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Финиш.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ли́ра Оскольская

Глаза Ангела

Глава 1. Финиш.

Если бы отец умел заканчивать разговор вовремя, Артём, возможно, сегодня вообще не оказался бы на трассе. Хотя это было бы слишком удобным объяснением. Артём никогда не любил удобные объяснения, особенно те, в которых ответственность можно переложить на другого человека. Да, отец вывел его из себя. Да, разговор был тем самым, после которого хочется либо напиться, либо уехать куда-нибудь, где тебя никто не найдёт. Но правда была в другом: Артём ехал на трассу не назло отцу. Он ехал туда, потому что это было единственное место, где он чувствовал себя собой.

Отец действительно говорил спокойно. Без крика, без разбитых стаканов, без эффектных семейных сцен — он вообще считал, что повышать голос удел людей, которые не умеют добиваться своего иначе. Поэтому он говорил ровно, почти лениво, с тем особым выражением лица, которое Артём знал с детства: будто перед ним не взрослый сын, а сотрудник, допустивший очередную досадную ошибку. На этот раз ошибкой был мотоцикл. Точнее, всё, что с ним было связано: мастерская, ночные заезды, друзья, которых отец называл «сомнительными личностями», и сама жизнь, которую Артём выбрал для себя сам.

— Ты уже не мальчик, Артём.

Эту фразу отец произносил с таким постоянством, что она давно перестала иметь смысл. Артём тогда только усмехнулся, допил кофе — горький, без сахара, как отец любил, — и спросил:

— А когда именно я должен был заметить, что стал взрослым? Есть официальное уведомление? Или мне нужно было подписать бумаги?

Отец не оценил. Он никогда не оценивал шутки, особенно когда чувствовал, что за ними прячется нечто большее, чем просто желание сменить тему. Разговор закончился примерно там, где обычно и заканчивались их разговоры: каждый остался при своём. Только Артём вышел из кабинета с ощущением, что ему снова двадцать, а не тридцать с лишним, и он опять пытается доказать человеку, который когда-то учил его кататься на велосипеде, что способен самостоятельно выбирать дорогу.

Поэтому вечером он оказался на трассе. Ночь была холодной, но сухой. Асфальт блестел под светом прожекторов, вдоль ограждений стояли машины, а воздух пах бензином, горячей резиной и чем-то металлическим, что всегда появлялось там, где собиралось слишком много техники и людей, уверенных, что контролируют скорость. Заезды проходили на старом ипподроме за городом. Когда-то здесь действительно гоняли лошадей, потом трибуны обветшали, поле заросло, а беговые дорожки превратились в идеально ровный асфальт, который облюбовали байкеры. За небольшую взятку зритель закрывал глаза на шум, грохот моторов и ночные сборища. Формально ипподром не работал уже лет десять, но по факту — жил своей странной, полулегальной жизнью. За старыми конюшнями, уходящими в открытое поле, собиралась вся местная мототусовка: человек двадцать на мотоциклах, а людей — гораздо больше. Девушки в коже, мужчины с распахнутыми куртками, кто-то пил пиво из горла, кто-то спорил о настройках подвески, кто-то просто грелся у переносных горелок. Музыка из колонок, дым, смех, запах шашлыка — всё это жило своей жизнью, не обращая внимания на холод и позднее время.

Артём любил это место именно за то, что здесь никто не спрашивал его фамилию. Здесь не имело значения, сколько у отца заводов, сколько раз он пытался устроить сыну «нормаль-

ную жизнь» и сколько раз напоминал, что однажды всё это станет его. На трассе имели значение руки. Реакция. Точность. И то, как ты входишь в поворот, когда на спидометре цифра становится слишком большой для здравого смысла. Его здесь знали. Не как сына владельца заводов - как мастера, который мог собрать байк из груды металла и заставить его летать. К нему приезжали за советом, за деталями, за помощью. Он никогда не отказывал, но и не искал случайных знакомств. Девушки в коже сами подходили к нему, улыбались, спрашивали про мотоцикл, намекали на продолжение вечера. Артём отвечал вежливо, коротко, и возвращался к своему байку. Ему нужна была не компания. Ему нужно было уехать. От отца. От разговоров. От самого себя.

Он надел шлем, поправил перчатки и сел на мотоцикл. В этот момент телефон завибрировал в кармане куртки. Отец. Артём даже не стал смотреть сообщение. Он и так знал, что там будет. Наверняка что-нибудь в духе: «Нам нужно ещё раз поговорить». Им всегда нужно было ещё раз поговорить. Мотоцикл рванул вперёд. И всё лишнее осталось позади.

Первые минуты он ехал спокойно, словно давая себе время перестроиться после тяжёлого вечера. Потом скорость выросла. Двигатель отозвался привычной вибрацией, тело само вспомнило нужный ритм, и мысли начали растворяться одна за другой. Вот за это он и любил трассу. Не за опасность — опасность была всего лишь побочным эффектом. Он любил тишину в голове. Когда остаётся только дорога, собственное дыхание и точка впереди, к которой нужно прийти раньше остальных. На очередном круге он заметил райдера. Чёрный мотоцикл мелькнул впереди, почти сливаясь с темнотой. Артём не успел толком рассмотреть райдера, только отметил манеру входить в поворот - слишком смело, почти вызывающе. Он невольно улыбнулся. Кто-то решил сегодня составить ему конкуренцию. Артём прибавил. Мотоциклы шли почти рядом. На прямом участке он немного вырвался вперёд, но в следующем повороте чёрная машина снова оказалась рядом. Он не видел лица. Только тёмный визор и силуэт. На секунду ему показалось, что райдер повернул голову. Будто смотрел прямо на него.

Следующий поворот оказался быстрее, чем он рассчитывал. Мотоцикл повело. Совсем чуть-чуть. Так, что опытный человек успел бы исправить. Артём успел, почти. Колесо сорвалось на краю покрытия, задняя часть мотоцикла дёрнулась, и дальше всё произошло настолько быстро, что мозг не успел превратить происходящее в последовательность событий. Только ощущения рваные, не связанные между собой, как кадры из плохо смонтированного фильма. Сначала был звук. Резкий, металлический, будто кто-то ударил по пустой цистерне. Потом асфальт. Удар пришёлся куда-то в бок, шлем качнуло, мир перевернулся, и на короткое мгновение Артём увидел над собой небо. Чёрное. Без единой звезды. Он успел подумать, что небо сегодня какое-то неправильное, и эта мысль была настолько нелепой, что почти успокоила. Потом снова асфальт. Он попытался вдохнуть, не получилось.

В груди будто зажали железным обручем - медленно, с усилием, так, что рёбра затрещали, а воздух остановился где-то в горле, не дойдя до лёгких. Боль была не острой, а тупой, тяжёлой, как будто на грудь положили бетонную плиту и медленно придавили. Артём попробовал вдохнуть ещё раз, и обруч сжался сильнее. Что-то хрустнуло внутри мокро, неприятно, и он почувствовал, как в горло поднимается что-то тёплое. Солёное. Кровь. Он закашлялся, но кашель только разорвал грудь новой волной боли. Кровь потекла по подбородку, затекла за воротник, горячая и липкая. Артём хотел вытереть её, поднять руку, сделать хоть что-нибудь, но тело не слушалось. Руки лежали где-то в стороне, чужие, тяжёлые, будто налитые свинцом, как и ноги тоже. Всё, что осталось под контролем, это голова, которая почему-то работала слишком ясно для человека, только что слетевшего с мотоцикла на полной скорости. Он снова попытался вдохнуть. Грудь отозвалась хрипом и новой порцией крови. Теперь он чувствовал её вкус металлический, тёплый, как будто прикусил язык, только хуже. Намного хуже. Кровь шла изнутри, и это было ужасно. Где-то далеко, на периферии сознания, мелькнула мысль о

лёгком, о рёбрах, о том, что он, кажется, слышал, как они ломаются. Но мысль была вялой, неважной. Главное было вдохнуть. Просто вдохнуть.

Кто-то кричал. Кто-то бежал. Где-то далеко слышался двигатель ровный, настойчивый, он не останавливался. Артём почему-то подумал, что это тот чёрный мотоцикл. Он не остановился. Уехал. Здесь нечего было делать. Здесь вообще никому нечего было делать. Перед глазами поплыли световые пятна. Фары. Фонари. Чьи-то ботинки. Небо. Он снова попытался вдохнуть. Грудь не поддавалась. И тогда он услышал. Сначала это был просто шум глухой, ритмичный, как удары в закрытую дверь. Потом шум стал громче, отчётливее, и Артём понял, что это его сердце. Оно билось где-то в ушах, в горле, в висках — везде сразу. Быстро, слишком быстро. Как будто пыталось успеть за чем-то, что уже уходило. Каждый удар отдавался в груди тупой болью, и с каждым ударом кровь подступала к горлу сильнее.

Артём лежал на асфальте, чувствуя, как холод пробирается под куртку, как липкая кровь стекает по шее, как сердце его собственное, живое, испуганное сердце — бьётся всё громче и громче, заполняя собой всё пространство. Он слышал его так отчётливо, будто оно было единственным звуком в мире. И в этом звуке было что-то настолько отчаянное, настолько человеческое, что Артём вдруг понял: он умирает. Сейчас. На этом холодном асфальте, под этим неправильным чёрным небом, с кровью на губах и сердцем, которое бьётся так громко, что, кажется, сейчас разорвётся и вдруг подумал совершенно не к месту:

Вот же идиот.

Не «я умираю». Не «как там отец». Не даже «больно». Потому что отец теперь будет невыносимо прав. Потому что он, Артём Кравцов, тридцати двух лет от роду, валяется на асфальте старого ипподрома, и всё, что у него осталось, это вкус крови во рту и звук собственного сердца, которое почему-то решило, что оно здесь главное.

А потом стало совсем тихо.

Сердце сделало ещё один удар -тяжёлый, глухой, как будто через силу. Потом ещё один. Потом пауза. Долгая. Слишком долгая. Артём успел подумать, что пауза - это плохо, что сердце не должно молчать. Что он ещё не закончил. Что...

А потом темнота забрала его.

Сознание возвращалось к Артёму медленно и беспорядочно, словно кто-то пытался нащупать выключатель в совершенно незнакомой комнате. Сначала он услышал голоса, приглушённые и искажённые, будто доносившиеся из-за толстой стены. Отдельные слова иногда прорывались сквозь этот гул, но тут же теряли смысл и растворялись среди других звуков. Затем появился резкий больничный запах — антисептик, металл, спирт, что-то лекарственное, от чего неприятно свело желудок.

Он попытался открыть глаза, но веки оказались слишком тяжёлыми. Хотелось просто лежать и не делать ничего, потому что любое движение казалось сейчас совершенно бессмысленным, а тело будто перестало принадлежать ему. Где-то совсем рядом монотонно пищал монитор. Этот звук почему-то раздражал больше всего. Он повторялся через одинаковые промежутки времени, настойчиво напоминая о себе, и Артёму вдруг захотелось дотянуться до аппарата и выключить его, хотя он даже не представлял, где находится. Он снова попытался вдохнуть. Воздух вошёл с трудом, обжигая грудь изнутри, и вместе с болью вернулось воспоминание о трассе: свет фар, скользкий блеск асфальта, резкий рывок мотоцикла, который вдруг перестал слушаться, и удар, после которого всё вокруг перевернулось.

— Артём?

Женский голос прозвучал совсем рядом. В нём не было ни тревоги, ни растерянности, хотя вокруг явно происходило что-то серьёзное. Голос был спокойным и уверенным, словно человек, которому он принадлежал, точно знал, что делать. Артём с трудом разлепил глаза. Сначала перед ним возникло расплывчатое белое пятно, затем потолок, залитый холодным светом, а после него — лицо, почти полностью скрытое медицинской маской.

Он не смог рассмотреть его. Зато глаза видел отчётливо. Тёмные, внимательные, сосредоточенные. Над ними тянулась тонкая чёрная линия подводки, немного смазавшаяся после долгих часов работы, и эта деталь почему-то казалась совершенно неуместной среди белых стен, медицинских приборов и людей в одинаковой форме. Артём смотрел на эти глаза и никак не мог понять, почему они кажутся ему знакомыми. Наверное, потому, что всё остальное вокруг постепенно расплывалось. Белый потолок, яркий свет, голоса, металлический звон — всё смешивалось в один бесконечный поток, тогда как её взгляд оставался удивительно чётким.

Женщина наклонилась ближе.

— Артём, вы меня слышите?

Он хотел ответить, но вместо слов из горла вырвался сухой, почти неслышный хрип.

— Не пытайтесь говорить, — сказала она, и в её голосе появилась мягкая настойчивость человека, привыкшего не спорить с обстоятельствами. — Просто смотрите на меня.

Он снова посмотрел ей в глаза. За её плечом кто-то быстро прошёл, загремела металлическая тележка, в коридоре хлопнула дверь, и сразу несколько голосов одновременно что-то сказали друг другу. Вокруг продолжалось движение, врачи торопились, аппаратура мерно подавала сигналы, но Артём почти перестал замечать происходящее.

Он видел только её.

— Дышите спокойно.

Он попытался сделать вдох, хотя каждый раз грудь отзывалась болью.

— Вот так. Хорошо.

Она говорила с ним так, словно была совершенно уверена, что он справится. В её взгляде не было ни жалости, ни страха, и почему-то именно это оказалось самым успокаивающим. Артём не знал, сколько прошло времени. Может быть, несколько секунд, а может, несколько минут. Сознание снова начинало ускользать, звуки становились глуше, а белый свет постепенно растворялся в темноте.

Он успел подумать, что хотел бы увидеть её лицо. Хотя бы один раз. Но прежде чем эта мысль успела оформиться, взгляд снова зацепился за глаза. Тёмные. Спокойные. С тонкими чёрными стрелками, которые почему-то казались ему сейчас важнее всего остального.

— Не уходите, Артём.

Он хотел спросить, кто она, но уже не смог. Её голос становился всё дальше, а сознание снова проваливалось в темноту. И всё же, прежде чем окончательно потерять связь с окружающим миром, Артём успел понять одну странную вещь: из всего, что произошло с ним этой ночью, он почему-то запомнит именно эти глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.